

Бердяев Н.А. Конец Ренессанса и кризис гуманизма. Разложение человеческого образа filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Бердяев Н.А. Конец Ренессанса и кризис гуманизма. Разложение человеческого образа.

Прежде всего я хотел бы остановиться на очень характерном и типическом кризисе Ренессанса в социализме. Социализм имеет огромное значение, он занимает большое место в жизни второй половины XIX и начала XX века. Это есть явление не только в жизни экономической, но и в судьбе европейской культуры, обнаружение внутренних в ней процессов. Социализм я буду рассматривать как целостное явление, как явление духа, а не в каком-либо специфически экономическом смысле. И вот все основы такого целостного социализма глубоко противоположны основам Ренессанса. Сущность Ренессанса в том, что в нем обнаружился свободный избыток творчества человека. Социализм же есть явление, которое раскрывается не на почве избытка, а на почве недостатка и скудости. Там происходит не развязывание, а связывание творческих сил человека, подчинение их принудительному центру. В социализме отпущенный на свободу человек вновь приковывается к принудительно организованной и принудительно урегулированной жизни. Социализм есть явление по существу своему противоположное лозунгам индивидуализма. Но та почва, на которой возник социализм и индивидуализм, имеет много общего.

Я думаю, что в основе социализма лежит глубочайшее разъединение людей, человеческого общества, человеческой общности, та одиночность человеческая, которая является выражением индивидуализма. Социализм есть обратная сторона глубочайшей человеческой разобщенности. Ужас от своей покинутости, покинутости и предоставленности своей судьбе, без всякой помощи, без всякого соединения с другими людьми и побуждает к принудительному устройению общественной жизни и человеческой судьбы. Это указывает на то, что социализм рождается на той же почве, на которой рождается индивидуализм, что он есть также результат атомизации человеческого общества и всего процесса истории. Если пафос Ренессанса был подъем человеческой индивидуальности, то пафос социализма – образование нового, механического коллектива, подчиняющего себе все, направляющего всю жизнь по своим путям, для своих целей. Возникновение такого коллектива на почве атомизированного общества означает конец Ренессанса и начало новой эпохи в жизни человеческого общества.

Нет больше свободной творческой жизни человеческой индивидуальности. Эллинские начала человеческой культуры в социализме отодвигаются на второй план. Если в основании нашей культуры лежит соединение начал юдаистических и начал эллинских, то здесь одерживают верх начала юдаистические. Тот процесс, который начинается с появления в европейской культуре новой силы – социализма, его торжества и распространения, обозначает начало закрепощения, противоположного тому процессу, с которого началась новая история. Процесс закрепощения – аналогичный тому, который начался в эпоху императора Диоклетиана, в эпоху раннего средневековья. Начало, которое несет с собой социализм, очень аналогично этому периоду возникновения раннего средневековья. Те процессы, которые происходили в уже кончающемся античном мире в эпоху императора Диоклетиана, мы обнаруживаем и в социалистических началах, наиболее прогрессивных, наиболее революционных. В социализме обнаруживается какое-то реакционное начало – начало внутренней реакции против всей новой истории, реакции против всего ренессансного освободительного периода и против французской революции. Это важно установить, чтобы понять процесс, с которым мы имеем дело. Тяга к социализму является характерной не только для нас, но и для всей Европы, где, быть может, в другой форме, но будут происходить процессы социализации, которые должны быть рассматриваемы как реакция против освободительных процессов новой истории, тех процессов, которые освободили человеческую индивидуальность. Здесь происходит самоотрицание человеческой индивидуальности, начинается бегство от самого себя и искание нового соединения, искание какой-то новой соборности, новой лжецерковности, потому что эпоха Ренессанса началась с того, что человек был оторван и предоставлен себе. Здесь же начинается подчинение всех сфер жизни общественной и культурной новому принудительному центру. Те основы, на которых покоилось общество XIX века, должны были обнаружить противоречия. Эти основы обнаружили свою несостоятельность и вызвали реакцию. Гуманизм и индивидуализм не могли решить судьбы человеческого общества, они должны были разложиться. Должен был появиться вместо ренессансного образа свободного человека антиренессансный образ нового организма, или, вернее, механизма, все себе подчиняющего и все поглощающего.

Подобно тому как обнаруживается конец Ренессанса в социализме, он обнаруживается и в анархизме, который есть предельное течение в судьбах европейского общества. И он, по существу своему, по духу своему, антиренессансен. Анархизм по внешности производит впечатление учения, обладающего пафосом свободы, требующего свободы, выставляющего начало самоутверждения человеческой личности. Но он возник не от свободного избытка и имеет не творческую избыточную природу. Возник он из зависти и мести. Пафос возмездия, пафос злобной ненависти к прошлому, к прошлой культуре, ко всему историческому для анархизма очень существен. Но такого рода злобная мстительность, такого рода пафос страданий и недостатка есть пафос антиренессансный, он не знает радости ренессансного избыточного творчества. Поэтому и анархизм не имеет творческой природы. Ее нельзя искать в истощающем, злобном и мстительном отрицании. Это истощающее отрицание не оставляет места для положительного творчества. Радости свободного творчества, свободного избытка анархизм не знает и знать не может. В этом он, подобно социализму, не имеет ренессансной свободы. В нем утверждается свобода, как бы пожирающая себя, как бы внутренне себя испепеляющая. Это не та свобода, которая дает радость расцвета творческой индивидуальности, – свобода идеалистического гуманизма. Это какая-то предельная, угрюмая и мучительная свобода, в которой человеческая индивидуальность увядает и гибнет, в которой происходит надрыв и свобода обращается в насилие. Большая часть анархических учений в конце концов утверждает формы коллективизма или коммунизма. Таковы программы Бакунина и Кропоткина. Для меня несомненно, что в анархизме, этом предельном течении европейского общества, также обнаруживается истощение и конец Ренессанса: анархизм не имеет гуманистического характера. Вся мораль, вся оценка жизненных отношений человека к человеку в анархизме не гуманистичны в смысле гуманизма Гердера, Гете или В. Гумбольдта. В анархизме, так же как и в социализме, обнаруживается внутреннее реакционное начало, внутренняя реакция против того ренессансного гуманистического периода, которым характеризуется новая история. Анархизм, в конце концов, есть форма реакционного восстания против культуры, неприятие культуры с ее неравенствами, с ее страданиями и вместе с тем с ее величайшими подъемами и расцветом, неприятие ее во имя процесса уравнивающего, сглаживающего и сметающего все возвышающееся. Это реакционное течение внутри анархизма, как и внутри социализма, есть форма кризиса гуманизма и конца Ренессанса.

Но особенно ясно обнаруживаются симптомы конца Ренессанса в новейших течениях в искусстве. Этот конец Ренессанса начал обнаруживаться уже довольно давно. Уже в импрессионизме обозначился конец Ренессанса. Все аналитическое-расчленяющие процессы в искусстве носят этот антиренессансный характер. Но настоящий конец Ренессанса, окончательный разрыв с ренессансными традициями мы встречаем в футуризме во всех его формах. Все разнообразие этих течений одинаково характеризуется разрывом с античностью и означает конец Ренессанса в человеческом творчестве. Для всех этих течений характерно глубокое потрясение и расчленение форм человека, гибель целостного человеческого образа, разрыв с природой. Искание совершенной природы, совершенных человеческих форм было пафосом Ренессанса, в этом была его связь с античностью. В футуризме погибает человек как величайшая тема искусства. В футуристическом искусстве нет уже человека, человек разорван в клочья. Все начинает входить во все. Все реальности в мире сдвигаются с своего индивидуального места. В человека начинают входить предметы, лампы, диваны, улицы, нарушая целостность его существа, его образа, его неповторимого лика. Человек проваливается в окружающий его предметный мир. Начинают нарушаться строгие формы, между тем как строгость формы и есть античное основание художественного творчества, которое вдохновляло творчество человека новой истории. Этот глубокий разрыв с античностью и с Ренессансом можно проследить на таких художниках, как Пикассо в его наиболее интересном кубистическом периоде. У Пикассо мы видим процесс разделения, распыления, кубистического распластования целостных форм человека, разложение его на составные части для того, чтобы идти вглубь и искать первичные элементарные формы, из которых он слагается. В ренессансном же искусстве было целостное восприятие форм человека. В этом целостном искании формы подражали природе, в которой формы эти сотворены Божьим творчеством, подражали античному искусству. Искусство Пикассо разрывает с образцами природы и с образцами античности. Оно уже не ищет совершенного целостного человека, оно потеряло способность к целостному восприятию, оно срывает покров за покровом, чтобы обнаружить внутреннее строение природного существа, идя все дальше и дальше вглубь и открывая образы настоящих чудовищ, которых Пикассо и создает с такой силой и

Бердяев Н.А. Конец Ренессанса и кризис гуманизма. Разложение человеческого образа filosof.org выразительностью. Можно сказать, что все футуристические течения, гораздо менее значительные, чем живопись Пикассо, идут все дальше и дальше в процессе разложения. Когда в картины вставляют куски бумаги или газетных объявлений или когда в картине вы видите составные части мусорной ямы, тогда окончательно ясно, что разложение заходит слишком далеко, что происходит процесс дегуманизации. Человеческая форма, как и всякая природная форма, окончательно погибает и исчезает. Такая утрата совершенных человеческих форм характерна и для творчества Андрея Белого. Творчество Андрея Белого родственно во многом футуризму, хотя оно неизмеримо более значительно, чем творчество большей части футуристов. Оно обозначает глубочайший разрыв с античными традициями в искусстве. В творчестве А. Белого, в его замечательном романе «Петербург», человек проваливается в космическую безмерность, опрокидываются и смещаются формы человека, отличающие его от предметного мира. Начинается процесс какой-то дегуманизации, смешения человека с нечеловеческим, с элементарными духами жизни космической. Совершенство формы в антично-ренессансном смысле в этом искусстве исчезает, начинается новый ритм космического распыления. Таковы несомненно антигуманистические начала в творчестве А. Белого. В нем все дальше и дальше идет процесс распластания и распыления человека на вершинах искусства нового времени. В самых последних плодах своего творческого пути человек нового времени приходит к отрицанию своего образа. Человек как индивидуализированное существо перестал быть темой искусства, он погружается и проваливается в социальные и космические коллективности.

Такой же конец Ренессанса и такие же антигуманистические начала можно вскрыть и в других течениях культуры. Так, теософические течения носят характер антиренессансный и антигуманистический. Это может быть не так ясно с первого взгляда, но это нетрудно вскрыть, если вдуматься в теософические и оккультические течения. В них человеческая индивидуальность подчиняется космическим иерархиям духов. Человек перестает играть ту центральную и обособленную роль, которую он играл в ренессансный, гуманистический период истории, он вступает в иные космические планы, начинает чувствовать себя управляемым демонами и ангелами. Это ощущение подчиненности человека космическим иерархиям создает такую настроенность, такое понимание жизни, при которых ренессансная свободная, «кипучая игра творческих сил» делается невозможной, внутренне неоправдываемой и недопустимой. И в таком теософическом и оккультическом течении, как учение Рудольфа Штейнера, нет центрального и исключительного места для человека. В конце концов, и в этом течении человек есть лишь орудие космической эволюции, человек есть продукт действия разных космических сил, точка пересечения разных планетарных эволюций, в которой складываются осколки разных миров, – человек переходящий в эволюцию мира. Неоправданно наименование антропософии для учения Штейнера. Неренессансный характер и неренессансная настроенность в такого рода течении совершенно ясны. Если сравнить современного теософа Штейнера с ренессансным теософом Парацельсом, то будет совершенно ясной противоположность ренессансного и антиренессансного духа: у Парацельса была творчески-избыточная радость в постижении тайн природы, вырывание из недр ее сокровенной тайны, у Штейнера нет радости творческой избыточности, наоборот, он указывает на тяжкий путь человеческой муштровки, которая в конце концов приводит к тому, что человек раскрывает свою зависимость от космических иерархий. Здесь есть чувство большой подневольности человека, чувство большой тяжести жизненного процесса, безмерная его трудность и то же разочарование в новой истории, которое характерно для всех явлений общественности и культуры нашего времени. В религиозных и мистических движениях конца XIX и начала XX века, которые для этой эпохи очень характерны и идут на смену течениям позитивным и материалистическим, также обнаруживается характер антиренессансный и антигуманистический. Там есть необходимость подчинения, невозможности дальше жить на путях свободной творческой игры, ничему не подчиненной, ничем не регулируемой. Происходит обращение к духовным основам, родственным средневековью, в противоположность тем началам, которые господствовали во всем новом, ренессансном периоде человеческой истории. Если для ренессансного периода была характерна большая умственная свобода, с которой и начался Ренессанс, то в конце этого периода умственная свобода теряется. Человек в этой безграничной умственной свободе как бы истощил свои умственные силы и начинает поработать самого себя, отрицать результаты той умственной работы, которая была произведена им на протяжении всей новой истории.

Начинает обнаруживаться величайший кризис творчества и глубочайший кризис культуры, который в течение последних десятилетий обнаруживает все более и более умножающиеся симптомы. Этот кризис творчества характеризуется

Бердяев Н.А. Конец Ренессанса и кризис гуманизма. Разложение человеческого образа filosof.org дерзновенной жадной творчества, быть может до сих пор небывалой, и вместе с тем творческим бессилием, творческой немощью и завистью к более целостным эпохам в истории человеческой культуры. Обнаруживаются внутренние противоречия, которые явились результатом ренессансного периода, в силу которых все результаты творчества оказываются неудовлетворительными, не соответствующими творческому заданию. В то время как творческое задание обозначает взлет ввысь для создания новой жизни и нового бытия, творческое осуществление обозначает ниспадение вниз для созидания дифференцированных продуктов культуры. В то время как творческий подъем хочет создать новое бытие, в результате получается стихотворение, картина, научная или философская книга, творится новая форма законодательства, новая форма человеческих нравов. Все продукты человеческого творчества несут на себе печать земной тяжести. Они не есть высшее бытие, высшая жизнь. Они получают формы, не соответствующие творческому подъему, и поэтому результаты творчества глубоко не удовлетворяют творца. В этом – основное противоречие творчества. И в нашу эпоху оно обострилось как никогда. Я даже думаю, что самая сильная и самая глубокая сторона нашей эпохи в том, что она до конца осознала этот кризис творчества. Люди ренессансной эпохи творили радостно, не ощущая всей горечи того, что творчеством создается не то, что задается. Когда великие мастера Ренессанса творили свои картины, они ощущали радость творчества, не отравленную горечью раздвоенного сознания, и это давало им возможность быть великими мастерами. Великие же течения нашего времени носят отпечаток глубокой внутренней неудовлетворенности, мучительного искания выхода из тисков, в которых человеческое творчество сдавлено. Такие величайшие творческие индивидуальности, как Ницше, Достоевский, Ибсен, сознавали трагедию творчества, они мучились этим внутренним кризисом творчества, этой невозможностью создать то, что задано в творческом подъеме. Это все – симптомы конца Ренессанса, обнаружение внутреннего противоречия, которое делает невозможной дальнейшую ренессансную свободную игру человеческих сил, творящих науки и искусства, творящих формы государства, нравов, законодательства и всего, что в этом периоде творилось. Здесь обнаруживается такое внутреннее раздвоение, такое расщепление, которое в прежнее время, в период ренессансного творчества, никогда не было обнаружено. В глубине человеческой культуры поднимаются какие-то внутренние стихии варварства, которые мешают дальнейшему творчеству классической культуры, классических форм искусства и науки, классической формы государства, классической формы нравов и быта. Наступает конец срединного царства культуры, происходят взрывы изнутри, вулканические извержения, которые обнаруживают неудовлетворенность культурой, и конец Ренессанса в самых разнообразных формах. Наступают сумерки Европы, которая так блистательно расцвела в течение ряда столетий, которая считала себя монополистом высочайшей культуры и навязывала свою культуру, иногда с таким насилием, всему остальному миру. Гуманистической Европе наступает конец, начинается возврат к средневековью. Мы вступаем в ночь нового средневековья. Предстоит новое смешение рас и культурных типов. Это и есть один из результатов познания философии истории, который мы должны усвоить для того, чтобы знать, какая судьба ожидает все народы Европы и Россию и что означает этот конец гуманистической Европы, это вступление в ночную эпоху истории.

Для конца новой истории характерно, во всех ее областях, во всех ее результатах, переживание глубочайшего разочарования, разочарования во всех основных стремлениях, мечтах и иллюзиях новой истории. В каждой линии новой истории мы можем найти это разочарование: не осуществилось ничто из этих стремлений, ни в области познания – в науке и философии, ни в области художественного творчества, ни в области жизни государственной, ни в области жизни экономической, ни в области реальной власти над природой. Те гордые мечты человека, которые окрыляли его в этот ренессансный период, сокрушены. Человек стал бескрылым. Человеку пришлось особым каким-то образом смириться. Гордые мечты человека о безграничном познании природы привели к познанию границ познания, к бессилию науки постигнуть тайну бытия. Наука мельчает и разъединяется рефлексией. Философия окончательно поражена недугом рефлексии, вечным сомнением в познавательных силах человека. Новейшие гносеологические направления до самого познания бытия так и не доходят, они останавливаются у порога настоящего философского познания мира. Философия проходит через раздвоение и не верит в достижение цельного познания философским путем. Начинается кризис философии, внутреннее бессилие, искание религиозных основ для философии, подобно тому как это происходило в конце древнего мира, когда философия начала окрашиваться в мистический цвет. То же самое происходит и в области искусства. Большое и великое искусство прежнего времени как будто

Бердяев Н.А. Конец Ренессанса и кризис гуманизма. Разложение человеческого образа filosof.org безвозвратно уходит; начинается процесс аналитического раздробления, измельчания, появляется футуристическое искусство, которое перестает уже быть формой человеческого творчества, в котором творческий акт начинает разлагаться. То же глубокое раздвоение обнаруживается и в общественных течениях. Ни пустая свобода, ни принудительное братство не могут дать радости людям. Это начинает все более и более сознаваться чуткими людьми. Рухнули идеалы французской революции. Все более начинают сознавать внутреннюю бессодержательность и тщету демократии. Предстоит глубочайшее разочарование в социализме и анархизме. На всех этих путях невозможно разрешить судьбу человеческого общества. Словом, во всех линиях новой истории есть горькое чувство разочарования, мучительное несоответствие того творческого подъема, с которым человек вошел в новую историю, полный сил и дерзновения, и того творческого бессилия, с которым он выходит из новой истории. Он кончил новую историю глубоко разочарованным, надломленным, раздвоенным и творчески истощенным. Это творческое истощение, соединенное с жадной творчеством, есть очень характерный результат того обессиления человека, которое является карой за самоутверждение человека в новой истории, за гуманистическое самоутверждение, когда человек, не пожелавший подчинить себя ничему сверхчеловеческому, теряет образ свой, растрчивает свои силы. И это опять та черта, в которой современный человек конца новой истории походит на человека в период окончания древнего мира. Тогда тоже чувствовался надрыв и какая-то тоска по высшему творчеству, по иной, высшей жизни, и вместе с тем невозможность ее осуществить. Все это указывает на то, что в человеческой истории есть периодическое возвращение тех же моментов, не в том смысле, чтобы они могли по существу повторяться, потому что ничто исторически-индивидуальное не повторяется, но в том, что есть формальное сходство, которое помогает постигнуть нашу эпоху, сопоставив ее с эпохой античного мира и началом новой, христианской эры.

Эту растрату сил человека новой истории я уже пытался объяснить, когда говорил о переходе от средневековья к эпохе Ренессанса. В то время как средневековый период истории, с аскетикой, монашеством и рыцарством, сумел предохранить силы человека от растраты и разложения, для того чтобы они могли творчески расцвести в начале Ренессанса, весь гуманистический период истории отрицал аскетическую дисциплину и подчинение высшим, сверхчеловеческим началам. Этот период характеризуется растратой человеческих сил. Растрата человеческих сил не может не сопровождаться истощением, которое в конце концов должно привести к потере центра в человеческой личности, личности, которая перестала себя дисциплинировать. Такая человеческая личность должна постепенно перестать сознавать себя, свою самость, свою особость. И мы замечаем это решительно во всех течениях современной культуры: в социализме, в монархизме и империализме. Это заметно в современных течениях в искусстве и в современных оккультических течениях. Решительно во всем чувствуется потрясение человеческого образа, разложение той человеческой личности, которая выковывалась в христианстве и выковывание которой было задачей европейской культуры. Она начинает слабеть и внутренне терять свой образ, терять свое самосознание, она лишается внутреннего духовного упора. И вот начинается искание духовного центра, связь с которым могла бы восстановить надорванные силы личности. Человеческая индивидуальность чувствует, что на тех свободных путях, по которым она шла в ренессансный период, ей грозит все большее и большее истощение и утрата свободы, она ищет начал, над ней возвышающихся, ею руководящих. Личность человеческая ищет для себя святыни, она жаждет свободно подчинить себя, чтобы вновь обрести себя. Повторяется та парадоксальная истина, что человек себя приобретает и себя утверждает, если он подчиняет себя высшему сверхчеловеческому началу и находит сверхчеловеческую святыню как содержание своей жизни, и, наоборот, человек себя теряет, если он себя освобождает от высшего сверхчеловеческого содержания и ничего в себе не находит, кроме своего замкнутого человеческого мирка. Утверждение человеческой индивидуальности предполагает универсализм. Это доказывается всеми результатами новой культуры, новой истории, во всем – и в науке, и в философии, и в искусстве, и в морали, и в государстве, и в хозяйственной жизни, и в технике; доказывается и опытно обнаруживается. Доказано и показано, что гуманистическое безбожие ведет к самоотрицанию гуманизма, к перерождению гуманизма в антигуманизм, к переходу свободы в принуждение. Так кончается новая история и начинается какая-то другая история, которую я по аналогии назвал новым средневековьем, в ней человек вновь должен связать себя, чтобы собрать себя, вновь должен подчинить себя высшему, чтобы не окончательно погубить себя. Для того чтобы человеческая личность вновь обрела себя, чтобы та христианская работа над

Бердяев Н.А. Конец Ренессанса и кризис гуманизма. Разложение человеческого образа filosof.org человеческим образом, которая составляет существенный момент в судьбе человека во всемирной истории, продолжалась и дальше, – для этого необходим возврат, по-новому, к некоторым элементам средневекового аскетизма. То, что средние века переживали трансцендентно, должно быть пережито имманентно. Работа свободного самоограничения человека, свободной дисциплины, волевого подчинения себя сверхчеловеческой святине может предотвратить окончательное истощение творческих сил человека, она приведет к накоплению новых творческих сил и сделает возможным новый, христианский Ренессанс, который для избранной части человечества наступит лишь на почве укрепления человеческой личности. Средневековье было основано, и в этом была его духовная сущность и высший пафос, на внутренней отрешенности от мира. Эта отрешенность от мира создала великую средневековую культуру. Средневековая идея царства Божьего есть идея отрешенности от мира, приводящая к владычеству над миром. Это – тот основной парадокс средневековья, который был вскрыт такими историками средневековой культуры, как Эйкен – мироотрицание церкви привело к идее миродержавства церкви. Что это не могло удасться, об этом я уже говорил. Свобода духа не была по-настоящему раскрыта в средневековом сознании. Драма новой истории была внутренне неизбежна. Но опыт нового человека, поставившего себе задачей владычество над миром, сделал его рабом мира. В этом рабстве он потерял свой человеческий образ, и потому теперь человек должен пройти через новую отрешенность для победы над миром в себе и вокруг себя, для того, чтобы стать владыкой, а не рабом. Это и есть то духовное положение, в которое попадает человек в конце новой истории, у порога новой эры.

Я мыслю эту новую эру как раскрывающую два пути перед человеком. На вершине истории происходит окончательное раздвоение. Человек волен пойти путем самоподчинения себя высшим божественным началам жизни и на этой почве укрепить свою человеческую личность и волен подчинить и поработить себя другим, не божественным и не человеческим, а злым, сверхчеловеческим началам. Это есть тема о том, почему всемирная история есть внутреннее раскрытие Апокалипсиса. Личность человеческая на вершине новой истории не может вынести рабства у общества и у природы, и вместе с тем она чувствует все большее и большее рабство и у природы и у общества. Происходит порабощение человеческой личности природой и общественной средой. Машинной, развитием материальных производственных сил пытался человек овладеть природными стихиями, но вместо этого он становится рабом созданной им машины и созданной им материальной социальной среды. Это уже обнаружено в капитализме и будет обнаружено и в социализме. Таков трагический результат всей новой истории, трагическая ее неудача. Но эта неудача новой истории не означает бессмыслицы новой истории, не вызывает окончательного пессимистического понимания судьбы истории. Она имеет внутренний смысл, если понимать всемирную историю как трагедию, а именно так ее и нужно понимать. Если считать, что разрешение ее не может быть имманентным, внутри самой истории, а лишь вне ее пределов, если так отнестись к истории, тогда все неудачи истории получают глубокий внутренний смысл и мы начинаем постигать, что смысл истории заключается не в том, чтобы осуществлялись задачи, поставленные в тот или иной ее период. Осуществление заданий истории за ее пределами как раз и обнаруживает глубочайший внутренний смысл истории, потому что, если бы в какое-нибудь мгновение истории были осуществлены задачи истории и пришел человек к окончательному удовлетворению, то такая удача истории, в сущности, обнаружила бы бессмысленность истории, как это ни кажется парадоксальным, потому что настоящий смысл истории заключается не в том, чтобы она была разрешена в какое-либо мгновение, в какой-либо период времени, а в том, чтобы раскрылись все духовные силы истории, все ее противоречия, чтобы было внутреннее движение трагедии истории и лишь в конце явлена была всеразрешающая истина. Только тогда конечное ее разрешение бросит обратный свет на все предшествующие периоды истории, в то время как разрешение задачи в одно из мгновений не значило бы разрешения задачи истории для всех ее периодов, на всем ее протяжении. Сейчас мне важно указать, что мое понимание глубокой неудачи истории вовсе не означает того, что я утверждаю бессмыслицу истории, потому что для меня сама эта неудача в каком-то смысле есть священная неудача. Сама эта неудача указывает на то, что высшее призвание человека и человечества – сверхисторично, что возможно лишь сверхисторическое разрешение всех основных противоречий истории. Нужно указать еще и на то, что Россия занимает совершенно исключительное положение в этом процессе окончания Ренессанса. В России мы переживаем конец Ренессанса и кризис гуманизма острее, чем где бы то ни было на Западе, не пережив самого Ренессанса. В этом – своеобразие и оригинальность русской исторической судьбы. Нам не было дано пережить радость Ренессанса,

Бердяев Н.А. Конец Ренессанса и кризис гуманизма. Разложение человеческого образа filosof.org у нас, русских, никогда не было настоящего пафоса гуманизма, мы не познали радости свободной игры творческих избыточных сил. Вся великая русская литература, величайшее наше создание, которым мы можем гордиться перед Западом, не ренессансная по духу своему. В русской литературе и русской культуре был лишь один момент, одна вспышка, когда блеснула возможность Ренессанса, – это явление пушкинского творчества, это культурная эпоха Александра I. Тогда и у нас что-то ренессансное приоткрылось. Но это был лишь короткий период, не определивший судьбы русского духа. Русская литература XIX века, в начале которой стоял чарующий гений Пушкина, была не пушкинская; она обнаружила невозможность пушкинского творчества и пушкинского духа. Мы творили от горя и страдания; в основе нашей великой литературы лежала великая скорбь, жажда искупления грехов мира и спасения. Никогда не было у нас радости избыточного творчества. Вспомните Гоголя и весь характер его творчества. Это скорбная и мучительная творческая судьба. Такова же судьба двух величайших русских гениев – Толстого и Достоевского. Все их творчество не гуманистическое и не ренессансное. Весь характер русской мысли, русской философии, русского морального склада и русской государственной судьбы несет в себе что-то мучительное, противоположное радостному духу Ренессанса и гуманизма. Сейчас мы переживаем во всех сферах нашей общественной жизни и культуры кризис гуманизма. В этом – чрезвычайная парадоксальность нашей судьбы и какое-то своеобразие нашей природы. Нам дано раскрыть, может быть острее, чем народам Европы, противоречие и неудовлетворительность срединного гуманизма. Достоевский наиболее характерен и наиболее важен для осознания внутреннего краха гуманизма. Гуманизм в Достоевском переживает величайший крах. Именно Достоевский сделал здесь великие открытия. Достоевский, который так болел о человеке, о судьбе человека, который сделал человека единственной темой своего творчества, именно он и вскрывает внутреннюю несостоятельность гуманизма, трагедию гуманизма. Вся диалектика Достоевского направлена против существа гуманизма. Его собственный трагический гуманизм глубоко противоположен тому историческому гуманизму, на котором была основана ренессансная история, который исповедовали великие гуманисты Европы. Эти особенности русского Востока обозначают своеобразную его миссию в познании конца Ренессанса и конца гуманизма. Именно России дано здесь что-то обнаружить и открыть, и именно в России высказывается какая-то особенно острая мысль о конечных исторических судьбах. Не случайно на вершинах русской религиозной философии мысль всегда была обращена к Апокалипсису. Начиная с Чаадаева и славянофилов и далее у Владимира Соловьева, у К. Леонтьева и Достоевского русская мысль была занята темами философии истории и эта русская философия истории была – апокалипсической. И русская революция по метафизическому существу своему есть крах гуманизма и этим подводит к апокалипсической теме. Так приближаемся мы к последним проблемам метафизики истории, к проблемам прогресса и конца истории.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!